

ПОСТ-ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ОПРЕДЕЛЕНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Słowa kluczowe: post-globalny świat, „uniwersalny obraz świata”, logocentryzm, westernizacja, neoliberalny kapitalizm

Key words: post-global world, „universal picture of the world”, logocentrism, globalization, westernization, neoliberal capitalism

Ключевые слова: пост-глобальный мир, „универсальная картина мира”, логоцентризм, вестернизация, неолиберальный капитализм

Западная культура со времен *Логике* Аристотеля склонна осуществлять систематизацию любых явлений на иерархической и последовательной основе. Каждый из элементов онтологических, физических, биологических, психологических или социальных структур имеет свое место, что обусловлено логической связью подчинения. В таких системах всегда существует отношение заданное присутствием центра и периферии, которое приводит всякого рода знания в своеобразную пирамидальную схему ограниченных рациональными законами зависимостей. Соответствующее эпистемиологическое направление мысли современная философия постмодерна критически именуется логоцентризмом.

Критика логоцентризма современной западной мыслью является закономерной – изменение ценностной парадигмы продиктовано столкновением европейского либерального индивидуализма и восточного консервативного коллективизма, которое оставило значительный отпечаток на „духе эпохи” Старого света и США. Эти преобразования набирают еще большую силу в контексте новой эры в развитии техники – информационной. Постмодернизм, в частности в лице Ж. Деррида, подчеркивает, что „империализм Логоса” является специфическим атрибутом европейского менталитета, и характеризуется верой в присутствие имманентных „законов” бытия, где правит строгий линейный детерминизм. Другой известный французский мыслитель – М. Фуко, отмечал тот факт, что запад-

---

* Sergiusz Terepishchyi, Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. M.P. Dragomanowa w Kijowie.

ному сознанию также свойственна логофилия, то есть страх перед случайностью и непредсказуемостью дискурса разных культур и ценностных систем.

Теория глобализации, в определенной мере является современником постмодернистского движения, и, на первый взгляд, довольно гармонично вписывается в общую оппозицию логоцентризму. Академическая и социально-политическая традиция американского и европейского обществ позиционируют глобализацию как процесс равноправной экономической и культурной интеграции, который осуществляется естественно, в силу закономерных социальных законов развития человечества. Однако, видение глобальной картины мира в наших глазах до сих пор ограничено логоцентрическими пересудами. Глобальное видение мира, как единой системы либерального капитализма и мультикультурализма с оттенком вестернизации является не более чем образной, концептуальной экстраполяцией западного понимания действительности на „terra incognita” нашего знания. Известный писатель-фантаст и философ-футуролог С. Лем в свое время достаточно точно подметил свойство современного человека моделировать неизвестную ему реальность: «Человек не хочет исследовать Космос, она лишь желает расширить Землю до границ Космоса». Глобалистика – как «унитарный» подход к планетарной реальности склонен указывать на наличие определенного универсального знания о мире, которое является прикладным к каждому из регионов, однако настоящая «ойкумена» современного человека до сих пор остается ограниченной.

В связи с этим оказывается весьма актуальным исследовать теоретические и аксиологические упущения в «глобальном» взгляде на мир и которые дают право говорить о «пост-глобальном» мире. В рамках этого небольшого исследования мы ставим целью проанализировать генерационные связи между глобализмом и логоцентризмом Западной культуры, продемонстрировать ограниченность универсального взгляда на мировую действительность, продемонстрировать необходимость новой пост-глобальной парадигмы.

Универсальный взгляд на мир в современном понимании – это своеобразная экстраполяция доминирующей формы мышления (данном случае «западной» формы мышления) на общую действительность. Ж. Деррида в его известном выступлении «Глобализация. Мир. Космополитизм» различает два типа универсализации – неправильную (не настоящую) и правильную (настоящую). Неправильная универсализация является деструктивной, ей свойственно насильственное привитие ценностей, концептуальных схем действительности, моделей поведения и идеалов, она ведет к господству культурной однородности, которая может выступать под разными ярлыками, а также создает пространство для эксплуатации и дискриминации. Настоящая же универсализация «освобождает саму себя от своих собственных корней или исторических, географических, национально-государственных ограничений и, в то же время, вне всякой привязанности наилучшим образом сохраняет память об этом наследии и борется против проявлений неравенства и гегемонии, гомо- гегемонизации». Деррида справедливо указывает, что истинная универсализация на данный является целью, а не реальным положением вещей. Наша историческая и национально-культурная ограниченность, пока не дает пространства для того, чтобы воспринять «Чужого» и его проявления. Для нас реальность – это наш дом и аппликация его «моделей» под ярлыками «Иного».

Если говорить о смысловых и онтологических основах «универсального» виденья мира, то их достаточно содержательно описал в своей поздней работе «Время картины мира» известный немецкий философ М. Хайдеггер. Он отстаивает тезис, согласно которому вторая половина XX века – это эпоха технологии и новой науки, в которой впервые за всю историю человечества мир начинает пониматься личностью именно как «картина», а не мир сам по себе. «Картина мира по существу поняла, значит, таким образом, не картину, отражающую мир, а мир, понимаемый как картину. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда стоит представляя и устанавливая его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытия сущего ищут и находят в представлении сущего». Неизвестность мира в целом заменяется представлением о мире, где нет аксиологической дистанции между «близким» и «дальним», а чужая культура, ценности и мышления являются «недалекими».

Как уже отмечалось в начале нашего исследования истоки универсального взгляда на мир, то есть взгляда на человечество и то, что его окружает как на «картину», заключаются в наследственном европейском логоцентризме. Последний лежит в основе европейского мышления и хронологически происходит от философии Древней Греции. Ж. Деррида справедливо отмечает, что в нашу эпоху предельной экспансии логоцентризма, мы можем наблюдать одновременно формирование единого «языка». Понятие языка понимается здесь не буквально, а скорее как создание единой планетарной системы знаков и значений, вопрос различия между разными отображениями одного и того же предмета, по сути, снимается через универсализацию значений в едином мировом «письме». В частности, Деррида приводит пример формализации иероглифов в восточных языках, и подчеркивает, как под влиянием глобальной истории «священное», многозначительное письмо становится алгеброй письма. «Философия – вот имя того, что ускоряет это движение [движение от многозначного и образного к однозначному – авт.]: Изменения из соображений экономии приводят к десакрализации (...) Таким образом, именно история знаний, история философии, увеличивая объемы текстов, приводит к формализации, сокращению записи, алгебре. Вместе с тем, удаление от (перво)начала подрывает десакрализуемое, «демотивирует» универсализирует його». Возведение всех языков к одной системе значений является зеркалом развития мирового понимания: современная история становления глобализма «картины мира» выглядит как культурное завоевание, а не как объединение.

В своем выступлении перед ассамблеей UNESCO под названием «Глобализация. Мир. Космополитизм» Ж. Деррида, опять же, подчеркивает наличие прямой связи между гомогенизацией (сведение к однородности) и гегемонией. «На данном этапе, идеальный или эйфорический образ глобализации как процесса открытия границ, который делает мир более гомогенным, надо обжаловать с абсолютной серьезностью и усердием. Не только потому, что указанная гомогенизация там, где она произведена в действительности или в предположении, имеет как лицевую, так и обратную стороны (ужасающий риск, слишком очевиден для меня, чтобы тратить время на его описание), но также и потому, что видимая гомогенизация часто скрывает за собой старые или новые формы социального

неравенства или гегемонии (то, что я называю гомо- гегемонизацией), которые мы должны знать, чтобы распознавать в новых лицах и бороться с ними». О каких лицах идет речь? Конечно же, гегемония в столь большом обществе не может быть установлена насильем, ее исток скрывается в возникновении своеобразного общего идеала современного человека и современной страны. Под гегемонию всегда будут попадать те субъекты, которые стремятся их достичь, но на данный момент, слишком далеки от цели.

Деррида отмечает, что понятие «мир», которое мы сейчас используем, возникает в рамках христианской традиции, или, в крайнем случае, традиции авраамических религий (в дохристианский период эту функцию выполнял «космос»). Смысловые истоки мира как содружества людей, населяющих всю территорию Земли имеют корни в позднеримской культуре, которая, в свою очередь полностью основывается на идее покорения и гегемонии. Именно поэтому, столь важным является контроль за сохранением аутентичности культур, побуждение аксологичного диалога вне-экономического и вне-политического характера. Тем не менее, не следует также полностью отвергать те преимущества, которые может дать корректная «действительная универсализация»: «мы никогда не должны, — ни в форме культурного релятивизма, ни в виде поверхностной критики европоцентризма, — отказываться от универсального, от острой потребности в универсализации, абсолютно революционного рвения, которое постоянно тянет нас к тому, чтобы искоренять (...) наследство, оспаривать ограничения и эффекты свойственные ее гегемонизму». Вывод Деррида достаточно прост: мы не можем стоять на месте, но и не должны спешить обобщать мир, каждый политический шаг в этом направлении должен исходить не только из соображений экономической целесообразности, но и с позиции гуманитарного блага.

Стоит также отметить, что глобализация экономики и социума предполагает и глобализацию взглядов. Сокращение дистанции между ранее недостижимыми объектами понимания, их виртуальная «выжимка» в виде словесной, видео- и аудио-информации приводят к образованию поверхностного представления о мире, построенный по одной модели, мир, в котором история и ценностная наследственность играет только дополнительную роль.

Конечно же, существуют теории глобалистики, которые будто бы опровергают это утверждение. В частности широко известной является идея «глокализации» описанная Р. Робертсоном. До того, как английский исследователь ввел термин глокализация в академический дискурс, это понятие означало адаптацию иностранного товара к культурной специфике локальных потребителей. Этимологические корни «глокализации» не являются случайными — они символически отражают процесс становления глобализации вообще. Сначала имеет место экономическая возможность расширения рынка, затем признаки рынка обнаруживаются у непроеизводственных сфер человеческого бытия. И, в конце концов, мы получаем «универсальный» мир представлений о социальном бытии планеты. Процесс глокализации — это явление имплементации внеациональных практик в повседневную жизнь локальных культур, следствием чего является приобретение признаков глобального в локальном. Однако, глокализация не может служить аргументом против присутствия «универсальной» модели мира в сознании современного человека, поскольку «глобальное», которое становится главным

ресурсом такой «диффузии культур», не является мультикультурным плюралистическим «окном» к пониманию других народов и регионов, а есть лишь квинт-эссенцией ценностей неолиберализма и продуктов до сих пор доминирующей Западной культуры. «Глобальное» только кажется общим, оно скорее является частичным, что служит иллюзией понимания общего.

Тем не менее, Робертсон справедливо отмечает, что процессу глобализации характерны три важных признака: 1) становление мировых СМИ; 2) вестернизация; 3) миграция либерального капитализма. Эти три атрибута, по нашему мнению, являются первичными факторами, формирующими современную «универсальную картину мира».

Медиа и коммуникации позволяют визуально и гносеологически прикоснуться к регионам планеты, ранее считавшихся неизвестными. Однако, дает ли картина мира представленная СМИ и техническими посредниками, действительное или смысловое представление о всех уголках нашего мира? Отражает ли она региональное разнообразие обществ и личностей? Известный французский мыслитель Ж. Бодрийяр по этому поводу метко указывает, что СМИ являются одним из главных агентов формирования универсальной и эквивалентной картины мира, только визуально замаскированной под маску разнообразия. Он отмечает: «телевидение, радио, пресса, реклама – это многообразие знаков и посланий, где все равно эквивалентны друг другу». Глобальный мир, является нам на голубых экранах, для того чтобы быть «легко» потребленным и отображается в статусе единого знакового сообщения, где последовательность сюжетов о различных регионах формируют аппликацию «единого» мира, каждый из регионов которого идентифицируется на основе экстраординарного новостного атрибута, например Африка – это СПИД, бедность и война, Ближний Восток – это религиозный фундаментализм, «джихад» и дискриминация женщин, Япония – это технологический бум, культ традиций и цунами. Однако мы никогда не узнаем как там в Японии, если хотя бы временного не будем японцем. Поэтому одним из главных современных средств формирования универсальной картины мира есть средства масс-медиа. Они таят в себе попытки «навязать через систематическую последовательность посланий представление об эквивалентности на уровне знака истории и события, происшествия и зрелища, информации и рекламы». Фундаментальным желанием современного человека является познавательное «схватывания всего» при минимальных усилиях, и это желание частично удовлетворяется институтом СМИ, который образует упрощенную панорамную картину мира, где каждый регион «такой как мой с атрибутом интересного события».

Еще одним важным фактором становления универсалистской «ойкумены» является доминанция либерально-капиталистических ценностей. Главной ценностью пропагандируемой в пределах этой системы является «свобода торговли», как беспрецедентная возможность свободного достижения успеха. «Культ успешности» и «успешного человека» глубоко укореняются в глобалистических взглядах, они проникают в регионы, побуждая представителей разных культур вести заданный образ жизни по модели типичного капиталиста. Одной из главных апологий неолиберального капитализма является то, что он является идеальной системой для приумножения богатства, которое в свою очередь открывает возможности для экономического роста. Экономический рост в свою очередь

даст возможность уменьшить проблемы бедности и неравенства. Однако практика показывает, что пропасть между богатыми и бедными только растет, что достаточно парадоксально, ведь доминирующая идеология до сих пор не меняется несмотря на свою явную деструктивность для масс.

Известный английский представитель анти-глобализма А. Калиникос рассматривает современный капитализм с точки зрения его иллюзорной универсальности. В своей работе «Антикапиталистический манифест» англичанин в духе философов-марксистов подчеркивает, что для современной идеологии неolibерального капитализма характерна товаризация всех сфер человеческой жизни. Такой подход к реальности в большей степени можно увидеть во всех регионах нашей планеты. Особенно четко это прослеживается в отношении одних народов к другим: любая материальная и нематериальная ценность рассматривается с позиций стоимости и товарного фетиша, будь то статуэтка Будды или артефакт аборигенов. «Мир – не товар, – заявляет британец, – Когда Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер придумали словосочетание «культурная индустрия», они считали его ироническим и критическим понятием: ничто не казалось им более абсурдным или противоречивым, чем возведение творческих процессов в индустрию, которая определяется той же логикой рационализации, как и все остальное. Но в сегодняшней в Великобритании, которая, по крайней мере в Европе, стоит в авангарде неolibеральной коалиции, члены кабинета министров говорят о культурной индустрии без всякого чувства парадоксальности или дискомфорта, а Financial Times имеет регулярное приложение под названием «Творческий бизнес».

Кроме того, в современной «глобальной» картине мира скрывается также формирование искусственного антагонизма между возможностью коллективного решения и разнообразием идентичностей. Калиникос обосновывает следующий тезис: «В 1980-х годах осознание различия выразилось в политике идентичности, то есть вере в то, что владение особой идентичностью заменяет все другие основания коллективного действия и часто оправдывается своеобразной версией культурного релятивизма, согласно которой универсальные принципы – это не что иное, как рационализация мировоззрения особой группы. Политика с такой точки зрения сводится к столкновению конкурирующих партикуляризов». Идея рационализации мировоззрения особой группы является весьма важной в контексте нашего исследования, капиталистические ценности предусматривают сокрытие гомогенности в поверхностном многообразии масс, акцентуации внимания на специфических проявлениях дискриминации, игнорируя в то же время общий характер дискриминированной точки зрения на мир в философии глобализма.

Третьим основанием универсального взгляда на мир является тенденция к вестернизации культур. В ее рамках история отдельных культур испытывает модельную экспансию со стороны западного образа, что приводит к приспособлению мира к потребностям этой модели. Ю. Гранин по этому поводу указывает на то, что процесс глобализации, который мы сейчас наблюдаем – это, в первую очередь, процесс становления глобальной истории, где мировому сообществу навязывается единственная модель общественно-исторического движения. Автор справедливо указывает на невозможность в современных условиях адекватного восприятия представителей одного региона другим. «Специфика ориентализма, считают исследователи, состоит в том, что Запад всегда имел дело не с Востоком

или Азией как таковыми, с их презентациями, а с вторичными по своей сути «образами Востока и Азии» – системой их репрезентаций, представленных в поэзии, литературе и академических исследованиях, которые сам для своих нужд и создал». Отголоски этой «стены понимания» продолжают и сегодня – нам только предстоит «переоткрыть» другие земли, заново погрузится в Великие географические открытия и понять многообразие мира таким как оно есть, а не как «глобальную картину». Вот почему нами выдвинут тезис о необходимости смены глобальной парадигмы на пост-глобальную.

Глобальная парадигма картины мира всегда будет форсировать межрегиональные конфликты, ведь несмотря на пропаганду «толерантности», последняя понимается только как толерантность с точки зрения одной традиции прав, а не с точки зрения взаимопонимания и сосуществования различных ценностей. Западный человек в современной системе глобальных взглядов никогда не будет «до конца» толерантным по отношению к позиции женщины в мусульманских культурах, или же к статусу индивидуального в китайском обществе. Человечество до сих пор смотрит на глобальное общество через собственные очки, избавиться которых достаточно трудно, в первую очередь потому, что в рамках нынешних рыночных отношений и культа успеха это, пока, невыгодно.

Итак, в рамках этого небольшого исследования мы провели общий анализ смысловой связи между глобализмом и логоцентризмом Западной культуры, продемонстрировали деструктивные аспекты универсального взгляда на мировую действительность. Логично исторические истоки глобальной картины мира были связаны с логоцентризмом европейского мышления, ведут свое начало еще со времен античности. Онтологически смысловые причины образования универсального видения человеческого общества основываются на возведении современным человеком бытия мира к представлению о мире, что приводит к потере «тайны» незнания.

Нами показано, что глобализация мира – это одновременно глобализация взглядов. Задача человечества, в эти сложные для нашего понимания времена, воспринимать «Чужого» и «Другого» в их подлинности и самобытности, не сводя их к частичным проявлениям иллюзорной «глобальной» культуры. На основании этого постулируется необходимость смены глобальной парадигмы на пост-глобальную.

POST-GLOBALNY ŚWIAT: OKREŚLENIE NOWEGO PARADYGMATU

STRESZCZENIE

Artykuł jest poświęcony analizie naukowej roli „globalnego” i „post-globalnego” w formowaniu ponowoczesnego światopoglądu. Wraz ze wzrostem migracji, rozwoju technologii komunikacyjnych, globalnej integracji i unifikacji pojawia się problem prawidłowego zrozumienia różnych kultur i narodów. W obecnej praktyce konfliktów lokalnych, w tym

na Ukrainie, ludzkość nie jest w stanie współistnieć w szczególnie bliskich więziach społecznych. Opierając się na badaniach wiodących naukowców, autor odsłania destrukcyjne uniwersalne spojrzenie na świat, które jest podyktowane trzema specyficznymi czynnikami. W artykule poddano również analizie ontologiczne i historyczne pochodzenie post-globalnej wizji świata.

THE POST-GLOBAL WORLD: THE DEFINITION OF THE NEW PARADIGM

SUMMARY

The article is devoted to scientific analysis of a «global» and «post-global» in shaping the modern world view. In terms of migration growth, technology communications, global integration and harmonization appears a problem of correct understanding of different cultures and nations. As the current practice of local conflicts, including in Ukrainian case, humanity is not yet able to coexist in such close social ties. Based on the research of leading scientists, the author reveals the universal destructive world view, which is dictated by three specific factors. The article also summarizes the ontological and historical origins of the global world view.